
ПРОБЛЕМА НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

С. В. КОСТЕЛЯНЕЦ

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ВОЙНЕ: ТРУДНОСТИ СУДАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА*

Рассмотрены предпосылки, причины и последствия начала 15 апреля 2023 г. в Судане вооруженных столкновений между армией государства и военизированной организацией «Силы быстрой поддержки» (СБП), переросших со временем в полномасштабную гражданскую войну. Выявлен непосредственный триггер конфликта, неспособность двух суданских военных лидеров – генерала Абделя Фаттаха аль-Бурхана, главнокомандующего и председателя Переходного суверенного совета Судана (ПСС), и генерал-лейтенанта Мохаммеда Хамдана Даголю по прозвищу Хемети, его заместителя по ПСС и командира СБП – договориться об условиях интеграции СБП в армию, предусмотренной рамочным соглашением, заключенным 5 декабря 2022 г. между основными суданскими политическими партиями и военными. Показано, что предпосылкой к началу войны, к середине 2024 г. уже унесшей жизни более 18 тыс. суданцев, стал крах 30-летнего (1989–2019) военно-исламистского режима Омара аль-Башира, положивший начало нынешнему острому циклу дестабилизации. Кроме того, выделены ключевые структурные факторы неустойчивости в Судане, на протяжении десятилетий с момента обретения страной независимости неоднократно вызывавшие политические кризисы, массовые волнения и государственные перевороты: отсутствие работающего механизма демократической смены власти и ригидность суданских ре-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Костелянец, С. В. 2024. От революции к войне: трудности суданского политического транзита. *История и современность* 3: 113–124. DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.

For citation: Kostelyanets, S. V. 2024. From Revolution to War: the Difficulties of Sudanese Political Transit. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 3: 113–124 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.

История и современность, № 3, сентябрь 2024 113–124

DOI: 10.30884/iis/2024.03.06

жимов; коррумпированная и регионально не сбалансированная система распределения материальных благ; нерешенные этнополитические конфликты на периферии. Продemonстрировано, что в постреволюционный период 2019–2022 гг. в обществе сохранились социально-политическая напряженность и высокий уровень насилия, а навязанная внешними силами в 2019 г. компромиссная модель политического транзита не удовлетворяла ни элиты, стремящиеся сохранить свои активы и влияние, ни оппозицию, в том числе уличную, требующую тщательного расследования и уголовного преследования преступлений как представителей режима аль-Башира, так и сместившей его военной хунты. На фоне роста опасений суданских военачальников утратить власть, богатства и личную свободу, усугубления экономического кризиса в стране, дестабилизирующих действий элементов бывшего военно-исламистского режима и некоторых внешних игроков окончательно оформился раскол между армией и СБП, лидеры которых – аль-Бурхан и Хемети соответственно – сделали ставку на силовое разрешение накопившихся противоречий.

Ключевые слова: Судан, политический транзит, силы быстрой поддержки, Африка, экстремизм.

Два генерала и их «бессмысленная война»

С 15 апреля 2023 г. в Судане не затихает вооруженный конфликт между армией государства и военизированной организацией «Силы быстрой поддержки» (СБП). Этот конфликт постоянно расширяется, охватывая все новые территории и группы населения, и некоторые эксперты уже справедливо характеризуют происходящее как гражданскую войну (Gunawan *et al.* 2024; Khogali, Homeida 2023; Makonye 2023). Война в Судане – «бессмысленная война», как ее прозвали жители страны, – уже вошла в число наиболее острых гуманитарных кризисов как в Африке, так и во всем мире. Свыше 18 тыс. суданцев погибли (Sudan: The RSF... 2024), десятки тысяч ранены, почти 11 млн покинули свои дома и стали внутренне перемещенными лицами, а еще более 2 млн выехали из страны (Sudan Situation... 2024). В Судане распространяются холера и лихорадка денге, 70 % больниц закрыты, 17 млн детей (из общего числа в 19 млн) лишены возможности посещать школу (Lubov 2024). Эти оценки международных организаций и информагенств следует считать консервативными, а реальные цифры, вероятно, значительно выше. На сегодняшний день Судан – самая горячая точка Африки. При этом обе стороны – армия и СБП – активно рекрутируют новых солдат и привлекают иностранных наемников, не демонстрируя стремления к деэскалации конфликта.

Одновременно страна переживает беспрецедентный и с каждым днем все менее обратимый коллапс всех сфер хозяйства. Серьезнейший и беспрецедентный урон нанесен столице и экономическому сердцу страны – Хартуму и его городам-спутникам. Уничтожены или повреждены десятки исторических зданий, разрушена инфраструктура, в том числе несколько мостов через реку Нил. ВВП страны, по оценке Африканского банка развития, упал в 2023 г. на 37,5 % (Sudan Economic... 2024). Когда восстановится мир, потребуются долгие годы на восстановление довоенного уровня благосостояния населения и положения Судана в Северо-Восточной Африке.

Помимо «бессмысленной войны» этот конфликт жители Судана также называют «войной двух генералов». Армию Судана возглавляет генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан – председатель Переходного суверенного совета Судана (ПСС), кадровый военный, закончивший военную академию в Каире, выходец из числа нильских арабов Судана, бывший начальник штаба сухопутных сил, возглавивший страну вскоре после государственного переворота в 2019 г. Его оппонент – Мохаммед Хамдан Даголо, широко известный как Хемети, до 19 мая 2023 г. занимавший пост заместителя аль-Бурхана по ПСС. Хемети – бывший торговец верблюдами из чадско-дарфурского арабского племени *ризейгат*, затем полевой командир в Дарфуре, отличившийся в 2000-е гг. своей жестокостью и эффективностью в борьбе с дарфурскими повстанцами и тем самым завоевавший доверие бывшего президента Судана Омара аль-Башира, который поручил ему создать по сути параллельную армию вооруженную структуру в подчинении суданской Национальной службы разведки и безопасности. Еще при аль-Башире Хемети получил под свой контроль золотые прииски в Дарфуре и ряд других экономических активов, а также руководил отправкой суданских наемников в Йемен и Ливию на деньги монархий Залива, заработав на всем этом немалый капитал (см. подробнее: Костелянец 2020).

Причиной текущего конфликта послужили прежде всего личные амбиции суданских военачальников, их страх утратить власть, а затем и нажитые богатства, и свободу, а также дестабилизирующие действия элементов бывшего исламистского режима и некоторых внешних игроков, и все это на фоне глубокого экономического кризиса. Непосредственным же триггером войны послужили разногласия по поводу сроков интеграции СБП в национальную армию. В декабре 2022 г. сторонами было заключено рамочное соглаше-

ние, предусматривающее подчинение СБП армии. Предполагалось определить сроки интеграции в апреле 2023 г. Генералитет настаивал на двух годах, но Хемети требовал 10 лет на объединение, не желая лишаться автономии в период политического транзита. С декабря по апрель 2023 г. напряжение постоянно нарастало. ООН и США давили на стороны, чтобы они согласовали детали интеграционного процесса. Тем временем стороны обменивались обвинениями в подрыве демократического транзита, поддержке исламистов и т. д., но так и не смогли договориться о сроках интеграции. Армию тревожило постоянное расширение штата СБП и их арсенала, в чем они начали видеть прямой вызов сложившейся после революции 2019 г. структуре управления с Ф. А. аль-Бурханом на вершине. Хемети, в свою очередь, потеряв контроль над СБП, с высокой вероятностью вскоре лишился бы и своих активов в Судане стоимостью в миллиарды долларов, а также всех политических перспектив. Очевидно, что этого Хемети допустить не мог. 15 апреля 2023 г. чаша терпения обеих сторон переполнилась.

Крах 30-летнего режима Омара аль-Башира как предпосылка к войне

Трагические события 2023 г. нельзя рассматривать ни в отрыве от суданских политических событий предыдущих пяти лет, ни в отрыве от истории Судана в целом. Нынешний острый цикл дестабилизации, в рамках которого так и не был завершен политический транзит, берет свое начало в революционных событиях 2018–2019 гг. и в тех системных проблемах, которые к ним привели.

Вспомним, что 11 апреля 2019 г. в Судане произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут президент О. аль-Башир, почти 30 лет управлявший страной. Путчу предшествовали несколько месяцев массовых протестов. Правительство приняло решение подавить протесты силовыми и информационными методами: был введен комендантский час в затронутых протестами городах, проведены аресты лидеров протестующих, закрыты школы, университеты и общежития, приостановлено издание большинства газет, заблокирован доступ к соцсетям и многим ресурсам Интернета. В феврале 2019 г. на всей территории Судана был введен режим чрезвычайного положения, но ситуация продолжала обостряться, а экономика страны оказалась парализована. В ходе подавления протестов были убиты свыше 100 человек. На фоне участвовавших столкновений сил безопасности с солдатами регулярной армии,

желавшими защитить демонстрантов, руководство вооруженных сил арестовало аль-Башира, сформировало Переходный военный совет (ПВС), который взял власть в государстве в свои руки, и заявило о готовности выполнить требования уличной оппозиции – впрочем, как оказалось, далеко не все (см. подробнее: Kostelyanets 2021).

Можно утверждать, что главной предпосылкой революционной мобилизации стало резкое обострение в течение 2018 г. финансового кризиса, спровоцированного растущим дефицитом валюты. Согласно на отделение Южного Судана в 2000-е гг., приведшее к объявлению последним независимости в 2015 г., стало, вероятно, роковой ошибкой режима О. аль-Башира, который лишился одновременно притока валюты, вырученной с продажи нефти, и консолидирующего общество врага в лице южносуданских повстанцев (см. подробнее: Костелянец 2014б). Кроме того, в 2017 г. суданское правительство возобновило переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО), что повлекло за собой либерализацию торговли согласно рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ) и последующее значительное увеличение импорта при отстающем росте экспорта, а, соответственно, и проблемы с наполнением бюджета. Решение правительства включить печатный станок, чтобы профинансировать дефицит бюджета, привело к высокой инфляции и череде девальваций суданского фунта в 2018 г. Затем правительство было вынуждено резко сократить объем субсидий на муку, что привело к трехкратному росту цен на хлеб и послужило мощным катализатором кризиса (Костелянец 2019).

Еще одним катализатором – политическим – послужило принятие в начале декабря 2018 г. поправки к Конституции, которая позволила аль-Баширу баллотироваться на пост президента в пятый раз подряд.

Впрочем, как и другие народные восстания в арабских государствах в 2010-х и 2020-х гг., а также прецеденты в самом Судане, декабрьская революция была вызвана сочетанием структурных политических и экономических проблем, внутреннего разлада в рядах исламистов и военных, а также внешнего воздействия (подробнее см.: Kostelyanets 2022). По сути, возник «идеальный социально-политический шторм». И этот шторм правящий режим не смог пережить.

Структурные факторы дестабилизации Судана

Следует выделить три основных структурных дестабилизирующих фактора, которые исторически вызывали или способствова-

ли народным восстаниям и неконституционным сменам режима в Судане, включая события 2018–2019 гг., и которые, по всей видимости, останутся угрозой и для будущих политических режимов.

Во-первых, это отсутствие работающего механизма демократической смены власти в стране и ригидность режима, то есть его неготовность к изменениям. При этом ригидные режимы неизбежно пытаются все контролировать, однако и несут ответственность за все происходящее (Grinin *et al.* 2019). Во-вторых, это несправедливая, неразвитая, коррумпированная, регионально несбалансированная система распределения материальных благ в стране. В-третьих, это этнополитические проблемы и конфликты, которые преследовали Судан с момента обретения независимости и возникали в основном в рамках напряженных отношений между центром и периферией (подробнее см.: Костелянец 2014а).

Исламисты, пришедшие к власти в Судане в 1989 г., были нетерпимы к политическому инакомыслию и социальному разнообразию и нацелены на преобразование всех общественных институтов в соответствии с принципами исламского государства (Verney 1995). Однако к концу 1990-х гг. стало ясно, что программа тотальной исламизации Судана оказалась невыполнимой – из-за военных неудач в борьбе с южносуданскими повстанцами, экономических провалов и международной изоляции. Страна не состоялась как тоталитарное теократическое государство, но начала укреплять военно-бюрократический режим, обладавший многими типичными чертами авторитарных систем, такими как фальсификация результатов выборов, безнаказанность сил правопорядка и безопасности, коррупция и кумовство. Коррупция, в частности, стала структурной чертой политэкономической системы Судана, так как большинство крупных предприятий оказалось в руках чиновников и военных (подробнее см.: Bellucci 2000; Kostelyanets 2021).

Недоверие к правительству усугубилось еще одной причиной социально-политической нестабильности в Судане – маргинализацией периферии. Проблема маргинализации и межрегиональных диспропорций время от времени признавалась членами правительства О. аль-Башира в качестве ключевого источника внутренней нестабильности, но никакие изменения не предпринимались. Возможно, элита в Хартуме была слишком жадной, чтобы делиться ограниченными ресурсами страны. Однако более вероятно, что маргинализация служила инструментом поддержки правящей группы и ее опорной базы, охватывавшей этноплеменное ядро и кооптиро-

ванных периферийных лидеров, против остального населения, чтобы сохранить гегемонистское господство центра (Костелянец 2011).

Эта стратегия оказалась обоюдоострой. С одной стороны, она помогла режиму пережить многолетнюю бесплодную войну на юге, отделение Южного Судана и конец нефтяного бума. С другой стороны, политизация этничности и трайбализм в Судане вызывали перманентную этнополитическую напряженность между центром и периферией, которая нередко перерастала в ожесточенные конфликты, истощавшие ресурсы режима. На самом деле эти конфликты были важнейшим фактором, препятствующим экономическому развитию. Во время правления О. аль-Башира до 70 % годового бюджета Судана уходило на расходы, связанные с безопасностью и обороной (Sudan Could... 2016). Кроме того, конфликты подрывали хозяйственную деятельность и «отпугивали» инвестиции.

Резюмируя вышесказанное, ригидность режима, коррупция и трайбализм сделали невозможными политические и экономические реформы и породили острое социальное недовольство. Политические неудачи и экономические трудности напрямую ассоциировались с правящей партией и самим президентом аль-Баширом, поскольку они монополизировали процесс принятия политических решений. Ввиду отсутствия каких-либо перспектив добровольной трансформации режима, который к тому же был ослаблен глубоким экономическим кризисом, путь революции оказался предпочтительным для очень многих суданцев.

Безвременье 2019–2022 гг. в Судане

Переходный военный совет, 11 апреля 2019 г. сместивший О. аль-Башира и взявший власть в государстве в свои руки, действовал во многом на опережение уличной оппозиции, которая была нацелена на кардинальную трансформацию всей политической системы и незамедлительное расследование военных и коррупционных преступлений прежнего режима, что угрожало интересам и верхушки силовых структур, и чиновничества, и экономической элиты страны. Председателем ПВС 12 апреля 2019 г. стал А. Ф. аль-Бурхан, а Хемети – его заместителем.

В июне 2019 г. военные разгромили палаточный лагерь оппозиции; лишь по официальным данным были убиты 64 человека. Тем самым ПВС продемонстрировал не желание идти на серьезные

уступки оппозиции, а, напротив, готовность силой защищать свои интересы.

Но вскоре под давлением международного сообщества военные и оппозиция согласились на посредничество премьер-министра Эфиопии и заключили соглашение о разделе власти и создании нового высшего органа власти – Переходного суверенного совета. Военные фактически сохранили высшую власть в своих руках до апреля 2021 г. и право вето на все решения ПСС до ноября 2022 г. и избежали установления гражданского контроля над силовыми ведомствами (Kostelyanets 2022). В августе 2019 г. к присяге был приведен новый премьер-министр Судана Абдалла Хамдук.

Партия О. аль-Башира «Национальный конгресс» была запрещена, ее активы – конфискованы, а ее членам было запрещено участвовать в выборах. Повседневная жизнь начала либерализовываться: переходному правительству удалось отменить дискриминационные законы в отношении женщин, публичные порки, закон о вероотступничестве и даже разрешить ввоз в страну алкогольных напитков для потребления немусульманами. Несмотря на политические пертурбации, продолжался процесс секуляризации, поскольку это было одним из основных условий достигнутого в конце 2020 г. мирного соглашения с вооруженной оппозицией. Кроме того, революционные события 2018–2019 гг. способствовали пробуждению в Судане независимого гражданского общества (Денисова, Костелянец 2022).

Однако в октябре 2021 г. в Судане военные осуществили новый государственный переворот. Тем самым они разорвали соглашение о принципах раздела власти с гражданской оппозицией на переходный период. Напряженность между военным и гражданским компонентами коалиционного правительства была обусловлена неуравновешенностью властного баланса в рамках соглашения о разделе власти, по сути, навязанного сторонам международным сообществом. Оно не устраивало ни тех ни других. «Бомбой замедленного действия» в отношениях между военными и гражданскими стала деятельность двух органов при правительстве, созданных в рамках компромиссного соглашения 2019 г., – Комитета по ликвидации режима 30 июня 1989 г. и возвращению государственных средств и Комиссии по расследованию расстрела демонстрантов в июне 2019 г.

Комитет по ликвидации режима 30 июня 1989 г. и возвращению государственных средств к лету 2021 г. вернул в казну более

1 млрд долларов, незаконно присвоенных представителями прежнего режима. Руководство Комитета также заявляло о необходимости проведения аудита собственности высокопоставленных военных, но ПВС этому препятствовал (Baldo 2021). По некоторым данным, армия и службы безопасности контролировали около 250 компаний, занятых в ключевых сферах экономики страны (Fisayo-Bambi 2020).

В свою очередь, Комиссия по расследованию расстрела демонстрантов в июне 2019 г. два года тянула с завершением следственных действий, а ее глава открыто заявлял, что публикация отчета приведет к тяжелым политическим последствиям, например к государственному перевороту (Nashed 2021).

В результате октябрьского путча 2021 г. были арестованы премьер-министр Абдалла Хамдук и целый ряд видных оппозиционных деятелей. А. Ф. аль-Бурхан объяснил переворот необходимостью «исключить из правительства политиков» и «скорректировать революционный курс», чтобы «избежать гражданской войны», к которой население якобы «подстрекают некоторые политические силы», настроенные против армии. В ходе последовавших протестов погибли 14 человек, сотни были ранены (Abdelaziz 2021).

В результате переворота военные, казалось бы, укрепили свои позиции и ликвидировали основные угрозы со стороны комитетов при правительстве, расследующих коррупцию и преступления против мирного населения. Однако фундаментальные причины нестабильности – коррупция и маргинализация периферии – сохранились, не говоря уже о сохранявшемся отсутствии механизмов демократической смены власти. Новый виток дестабилизации был лишь вопросом времени.

На протяжении 2022 г. в Судане на фоне массовых протестов и межэтнических столкновений шли переговоры о новом соглашении между военными и оппозицией. Но внутренний конфликт, приведший к полномасштабной войне, разгорелся среди военных.

Перспективы урегулирования конфликта и политической стабилизации в Судане

На конец лета 2024 г. силы противоборствующих сторон оставались примерно равными, а итоги войны – столь же неочевидными, что и в апреле 2023 г., позволяя экспертам выстраивать кардинально противоположные сценарии развития событий. Однако представляется, что с точки зрения императива политической стабили-

зации и единства страны оптимальной была бы победа армии под руководством Ф. А. аль-Бурхана с последующим (через один-два года) проведением всеобщих выборов и передачей власти гражданским. Победа СБП, вероятно, обернется массовым насилием, а также этническими чистками, в учинении которых силы Хемети уже неоднократно были замечены. Впрочем, в истории Африки жестокие повстанческие движения не раз приходили к власти, а затем трансформировались в сравнительно нормальные политические режимы. Тупиковым, хотя и возможным, представляется ливийский сценарий, при котором страна будет поделена на две или более части, находящиеся между собой в перманентном конфликте.

Особенно тревожными представляются попытки обеих сторон политизировать этничность. СБП находят поддержку на западе и юге страны среди исторически маргинализированных племен периферии, в частности группы племен *баггара*. Некоторые дарфурцы в соцсетях называют Хемети «нашим бандитом», «защитником обездоленных». Хемети среди своих целей заявляет новые принципы федерализации Судана и реформы политической системы, в которой арабам периферии будет предоставлено больше прав и возможностей. Ф. А. аль-Бурхан же апеллирует к неприязни жителей Центрального и Восточного Судана к дарфурским и кордофанским арабам, призывая вступать в ряды вооруженных сил для борьбы с ними.

Армия называет СБП «джанджавидами» – известными своей жестокостью и военными преступлениями арабскими ополчениями Дарфура, на базе которых Силы быстрого реагирования и были действительно сформированы. СБП в ответ распространяет информацию о связях армии с элементами прежнего режима, прежде всего исламистами, заинтересованными в возвращении Судана на путь исламской революции, а также называют противника «армией джеллаба» – то есть армией торговцев из нильских арабов, сколотивших в начале XIX в. огромные состояния на работорговле. Если культурно-этническое измерение конфликта приобретет реальное влияние на массы, единство Судана действительно окажется под вопросом.

Крайне опасным для политического будущего страны является также внешнее вмешательство, подпитывающее и продлевающее конфликт. Особенно вопиющими являются действия Объединенных Арабских Эмиратов, которые практически открыто снабжают СБП оружием через Чад и другие страны. При этом в рядах СБП –

масса чадских, нигерских и других сахельских наемников. В свою очередь, армия Ф. А. аль-Бурхана активно поддерживается Египтом и получает оружие из Турции и Ирана. При этом вряд ли хотя бы одного из спонсоров войны, не говоря уже о наемниках, можно назвать истинным другом суданского народа – все они решают собственные задачи, используя Судан в качестве полигона и рассчитывая закрепить влияние в стране в случае победы своих суданских партнеров.

В заключение необходимо отметить, что политическая система Судана десятилетиями напоминала волчок: она была нестабильна, но не падала. Однако по мере истощения ресурсов государства – вследствие оскудения периферии и потери богатого нефтью Южного Судана – скорость вращения все замедлялась, пока ось волчка не отклонилась от вертикали. Представляется, что в перспективе политической стабильности в Судане невозможно будет достичь без решения ключевых задач – обеспечения сменяемости власти, надлежащего управления и коренных преобразований в системе федеральных отношений.

Литература

Денисова, Т. С., Костелянец, С. В. 2022. Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня* 9: 29–36.

Костелянец, С. В.

2011. *Социально-политические и гуманитарные аспекты конфликта в суданском регионе Дарфур*: дис. ... канд. полит. наук. М.: Ин-т Африки РАН.

2014а. *Дарфур: история конфликта*. М.: Ин-т Африки РАН.

2014б. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня* 10: 31–35.

2019. Судан: массовые протесты. *Ин-т Африки РАН* 5 апреля. URL: <https://www.inafran.ru/node/1875>.

2020. Судан: военный переворот 2019 г. и формирование «режима Хемети». В: Денисова, Т. С. (ред.), *Африка: политическое развитие и армия*. М.: Ин-т Африки РАН. С. 295–306.

Abdelaziz, Kh. 2021. Sudan's Burhan Says Army Ousted Government to Avoid Civil War. *Reuters* October 27. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/telecommunications-interrupted-sudan-after-coup-2021-10-26>.

Baldo, S. 2021. Sudan Struggles to Control Its Parastatals. *Briefing* May. URL: <https://thesentry.org/reports/sudan-parastatals>.

Bellucci, S. 2000. Islam and Democracy: The 1999 Palace Coup in Sudan. *Middle East Policy* 7(3): 168–174.

Fisayo-Bambi, J. 2020. Sudan's PM Laments Army's Role in the Country's Economy. *Africa News* December 15. URL: <https://www.africanews.com/2020/12/15/sudan-s-pm-laments-army-s-role-in-economy>.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy*. Cham: Springer.

Gunawan, Y., Putra M. R. P., Al Khairi, M. F., Arumbinang, M. H. 2024. International Law in the Sudanese War 2023: An Overview of the Conflict and Law Enforcement. *Jurnal Suara Hukum* 6(1): 108–124.

Khogali, A., Homeida, A. 2023. Impact of the 2023 Armed Conflict on Sudan's Healthcare System. *Public Health Challenges* 2(4): e134.

Kostelyanets, S. 2021. The Rise and Fall of Political Islam in Sudan. *Politics and Religion Journal* 15(1): 85–104.

2022. Sudan's December Revolution and the Demise of the Al Bashir Regime. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 33–56.

Lubov, D. C. 2024. Shelling of Sudan School and Market Kills Several Children. *Vatican News* August 16. URL: <https://www.vaticannews.va/en/world/news/2024-08/shelling-of-sudan-school-and-market-kills-several-children.html>.

Makonye, F. 2023. Political Reflections on the Sudanese Civil War 2023: A Qualitative Study. *African Journal of Peace and Conflict Studies* 12(3): 71–82.

Nashed, M. 2021. Nabil Adeeb's Job is to Uncover a Massacre Committed by Sudanese Forces in 2019. He Fears his Results may Lead to a Coup. *New Lines Magazine* May 4. URL: <https://newlinesmag.com/reportage/how-a-human-rights-report-could-upend-sudan>.

Sudan Could Spend up to 70% of Its Budget on Several War Fronts This Year. 2016. *Quartz Africa* February 12. URL: <https://qz.com/africa/615938/sudan-could-spend-up-to-70-of-its-budget-on-several-war-fronts-this-year>.

Sudan Economic Outlook. 2024. URL: <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/sudan/sudan-economic-outlook>.

Sudan Situation Report. 2024. *UNOCHA* August 19. URL: <https://reports.unocha.org/en/country/sudan>.

Sudan: The RSF Marches on Sennar and West Kordofan. 2024. *ACLED* July 12. URL: <https://acleddata.com/2024/07/12/sudan-situation-update-july-2024-the-rsf-marches-on-sennar-and-west-kordofan>.

Verney, P. (ed.). 1995. *Sudan: Conflict and Minorities*. London: Minority Rights Group. URL: <https://www.minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-881-Download-full-report.pdf>.